

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

18 жаб
04 R

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Центр научных исследований
и информации

ОТДЕЛ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ЯЗЫК	5
В ГЛОБАЛЬНОМ	5
КОНТЕКСТЕ:	11
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА СЕГОДНЯ	17
КАК КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ	36
ФЕНОМЕН	54
и функциональные аспекты	63
СБОРНИК ОБЗОРОВ	19
О языке в США второго поколения	95
В сборнике рассматривается роль языка в формировании идентичности и интеграции иммигрантов в американское общество	124
и роль языка в формировании идентичности и интеграции иммигрантов в американское общество	144
и роль языка в формировании идентичности и интеграции иммигрантов в американское общество	161

МОСКВА
2013

© ИНИОН РАН, 2013

ISBN 978-5-248-00648-9

О.В. Лалёко
ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В РЕЧИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ
В США ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

В последние годы проблема изучения билингвизма все чаще привлекает внимание ученых из самых разных областей лингвистики. Особый интерес несет в себе феномен неполного владения родным языком, широко представленный в контексте эмиграции людьми, которых принято называть несбалансированными билингвами. В нашем случае речь пойдет о взрослых детях эмигрантов в США, для которых родной язык постепенно стал не основным, а второстепенным языком, используемым почти исключительно для домашнего общения. В данной работе мы используем для этого термин *унаследованный русский* (УР), предложенный недавно в работах М.С. Полинской и И.Е. Дубининой как эквивалент термину «heritage Russian», употребляемому в англоязычной литературе. Таким образом, потомков эмигрантов, говорящих на унаследованном русском, мы будем называть ЛУРаами (людьми с унаследованным русским).

Чем же интересен язык ЛУРов? С точки зрения теоретической и экспериментальной лингвистики описание и моделирование человеческого языкового потенциала остается на сегодняшний день одной из центральных задач многочисленных исследований, посвященных вопросам внутренних принципов устройства языка.

¹ Автор выражает глубокую признательность участникам описываемых в статье исследований, а также искренне благодарит И.Е. Дубинину, О.Е. Каган, М.С. Полинскую, И.А. Секерину за неоценимую помощь в проведении экспериментов и ценные замечания по работе. Отдельное спасибо И.Е. Дубининой за подробные комментарии при подготовке рукописи к публикации. Исследования проводились при поддержке университета Миннесоты. — Прим. авт.

В контексте утраты языка многие из таких принципов проявляются особенно четко в процессах реорганизации языковых подсистем, происходящих естественным путем, вне влияния прескриптивной нормы и литературной традиции, позволяя нам заглянуть в глубинную архитектуру языка (подробнее о месте унаследованных языков в современной лингвистике см.: Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2010).

Материалом для исследования послужили записи устной речи ЛУРов, с которыми проводились интервью, о которых мы расскажем более подробно ниже, а также письменные данные, полученные на основе задания по составлению предложений на русском языке. Основной целью задания по составлению предложений являлось изучение аспектуально-видовых различий с предикатами различных семантических свойств в американском русском — этот вопрос рассматривается подробно в ряде других работ автора (Laleko, 2008, 2010, 2011). Участникам эксперимента было предложено составить предложения на русском языке с использованием заданных глаголов и существительных. Далее мы проанализировали эти данные и установили ряд интересных различий между эмигрантами первого и второго поколения, касающихся использования форм несовершенного вида (Laleko, 2010). В данной работе мы предлагаем анализ других систематических языковых изменений в УР, касающихся особенностей использования ЛУРаами родовых и падежных форм, изменений в системе морфосинтаксического согласования, развития новых функций местоимений, а также лексико-семантических преобразований.

В исследовании принимали участие 23 человека (русскоязычные эмигранты второго поколения, родившиеся в США, либо приехавшие туда из России или бывших советских республик детьми дошкольного возраста). С 12 из участников также проводились дополнительные интервью на русском языке, которые носили общий социолингвистический характер. В рамках интервью продолжительностью от 30 до 60 минут участникам задавались подробные вопросы об их языковой ситуации, а в дополнение каждому участнику предлагались свободные темы для обсуждения (книги, фильмы, события в мире, хобби, образование, межкультурные различия, любимые праздники).

Выражение грамматического рода

Изменения в системе грамматического рода в УР получили освещение в предшествующих исследованиях, где неоднократно отмечались систематические особенности употребления родовых форм ЛУРами. В частности, в работах М.С. Полинской (Polinsky, 1996, 2008) анализируются различия между УР и русским языком метрополии и представляются экспериментальные данные, указывающие на реструктуризацию системы грамматического рода в УР. ЛУРа с высоким уровнем владения языком в целом сохраняют трехродовую систему, однако распределение существительных по роду осуществляется по фонологическому принципу: в такой системе существительные, оканчивающиеся на согласный, анализируются как принадлежащие к мужскому роду, а все остальные существительные оказываются причисленными к женскому роду, за исключением тех, что заканчиваются на ударный *-o*, которые остаются в категории среднего рода. Для ЛУРов с неглубоким знанием языка система рода переосмысливается в еще более упрощенную бинарную оппозицию, в которой существуют только два рода: мужской (для существительных, оканчивающихся на согласный) и женский (для существительных, оканчивающихся на гласный).

В такой упрощенной системе согласование по роду осуществляется исключительно по формальному критерию фонологической формы, вне зависимости от грамматических признаков. По наблюдениям М.С. Полинской (Polinsky, 2008), такой родоопределяющей фонологической формой считается форма цитации, т.е. нейтральная эталонная форма, в которой слово «хранится» в словарном запасе; это форма именительного падежа единственного числа. В нижеприведенных примерах из данного корпуса четко просматриваются принципы отнесения существительных к тому или иному роду по фонологическому принципу: в примере (1) подлежащее в именительном падеже — *nana* — употреблено с глаголом в форме женского рода благодаря флексии *-a* у существительного. Остальные примеры указывают на то, что кроме номинатива другие падежные формы тоже могут вызывать согласование по роду, исходя из вышеописанного фонологического принципа в УР. В примере (2) существительное среднего рода *письмо*, употребленное в форме родительного падежа, благодаря ударной флексии *-a* становится эквивалентным по звучанию женским именительным формам и в системе УР требует согласования по женскому роду (отсюда употребление формы числительного *од-*

на). Пример (3) указывает на ту же стратегию уже у другого носителя языка, и здесь мы не можем не отметить некоторую неуверенность в выборе необходимой грамматической формы ЛУРом: сначала он употребляет числительное мужского рода, но после паузы решает все же использовать форму женского рода.

- (1) Папа вчера **покупала** три машины.
- (2) Написала два письма, **одна** идет в Украину а **другая** в Россию.
- (3) Мне нужно два письма написать, **один** маме... **одну** маме и **одну** моей сестре.

Несмотря на то, что фонологический принцип категоризации существительных по роду проявляется устойчиво в экспериментальных условиях (Polinsky, 2008), необходимо отметить, что в речи ЛУРов также возможны ошибки, вызванные и другими факторами, включая трудности с переработкой языка, вызванные необходимостью составлять предложения на ходу на языке, которым эти люди владеют не в совершенстве. Поэтому любой корпус речи ЛУРов может содержать ошибки, не поддающиеся объяснению с точки зрения фонологического принципа. В нашем корпусе есть и такие примеры:

- (4) ...**моего** мамина двоюродный брат...
- (5) ...я и мой брат и **мой** двоюродный сестра...
- (6) Ребенок хотел што мама пела **один** песню.

Заметим, однако, что во всех случаях несовпадения форм по родовому согласованию в отсутствие фонологического принципа распределения существительных по роду мы видим одну и ту же картину: существительные женского рода модифицированы прилагательными мужского рода. Примеры, иллюстрирующие обратную тенденцию (т.е. модификаторы женского или среднего рода при существительных мужского рода, за исключением примеров, следующих из фонологического принципа), в данном корпусе отсутствуют. Возможно, это объясняется тем, что формы модификаторов мужского рода в языке ЛУРов переосмысливаются как немаркированные формы, лишенные родовой семантики, что является признаком ослабления и последующего разрушения системы согласования и свидетельствует о процессе потери рода как грамматической категории в языке ЛУРов.

Падежная система

Реорганизация падежной системы в УР является еще одним процессом, иллюстрирующим глубинные преобразования в контексте неполного сохранения языка ЛУРами и неоднократно отмеченным в существующих лингвистических исследованиях о языке русских эмигрантов в США. Особенности в выборе падежных форм являются яркой отличительной чертой речи ЛУРов, и имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют определить общую картину происходящих изменений как процесс сокращения падежной парадигмы. В работах М.С. Полинской, в частности, приводятся интересные данные по систематическому сдвигу в использовании основных падежей, служащих для маркирования глагольных аргументов (номинатив, аккузатив, датив) в сторону дупадежной системы (номинатив и аккузатив) у ЛУРов. В результате такого сдвига датив перестает быть маркером косвенного дополнения; вместо него эту роль играет аккузатив, в то время как субъект и объект обозначаются номинативом, что приводит к утрате формальных различий между внутренними и внешними аргументами глагола (Polinsky, 1997). Предложные падежи также уступают свое место номинативу, который становится по умолчанию немаркированным падежом «на все случаи».

Реструктурирование падежной системы в языке ЛУРов анализируется также в работе других исследователей, где приводятся данные по использованию падежных форм в устных пересказах ЛУРами историй в картинках (Isurin, Ivanova-Sullivan, 2008). Авторы этого исследования не находят подтверждения гипотезе об аккузативе как о постоянном маркере косвенных падежей, но при этом приводят многочисленные примеры использования одного косвенного падежа вместо другого, говорящие об общей нестабильности падежной системы. Использование номинатива с предлогами также не встречается в анализируемых авторами нарративах, что говорит о возможной вариативности лингвистических процессов в языковом континууме, появляющемся в контексте нестабильного билингвизма.

В нашем корпусе есть один пример сдвига датив-аккузатив, представленный в (7), где местоимение, являющееся косвенным дополнением глагола *дали*, употребляется в форме винительного падежа, а не датива, который здесь необходим с точки зрения падежной системы русского языка в метрополии. Заметим также, что форма прямого дополнения *шанс* сама по себе падежно-

неоднозначна: она может быть проанализирована как аккузатив, так и как номинатив; в последнем случае пример полностью согласуется с гипотезой о сдвиге падежей глагольных аргументов (Polinsky, 1997). Гипотеза находит дальнейшее подтверждение в примере (12), где прямое дополнение обозначено той же падежной формой, что и подлежащее, приводя к нейтрализации форм внешнего и внутреннего аргумента глагола. В отсутствие дополнительных примеров замены датива аккузативом в данном корпусе, а также исходя из заключений работ, в которых не были отмечены систематические сдвиги в системе основных падежей, мы можем сделать предположение о том, что разные секторы языкового континуума могут быть подвержены одним и тем же законам языкового развития в разной степени: тенденции, уже ставшие «правилом» для ЛУРов на последних стадиях потери языка, могут проявляться факультативно и сосуществовать с языковыми нормами метрополии у ЛУРов, сохранивших более высокую степень владения родным языком.

Дательный > Винительный

(7) дали **его** шанс

Следующие примеры иллюстрируют процесс расширения функций номинатива и использование его в контекстах, где именительный падеж исключен в русском языке метрополии: например, с предлогами вместо предложного падежа, с числительными вместо родительного (такой тип родительного падежа известен как генитив меры или партитивный генитив), а также в других функциях.

Предложный > Именительный

(8) Я читаю книжки про **Война и Мир**.

Дательный > Именительный

(9) Субботу я **папа** помогаю покрасить дом.

(10) **Мама** нужно помочь готовить торты.

Творительный > Именительный

(11) Я с **бабушка** с **дедушка** говорю по русском.

Винительный > Именительный

(12) Я никогда не читала **Война и Мир**.

Родительный > Именительный

(13) Каждый год я читаю девять **книги**.

(14) Напиши мне два **письмо** когда я уеду.

(15) Когда я пришла домой я выпила стакан **молоко**.

(16) На мое день рождение я выпила чашку **вино**.

(17) Давай выпьем стакан **вино** сегодня вечером.

Родительный > Творительный

(18) Я совершаю много **ошибках**.

Помимо выбора падежной формы, вопрос согласования по падежу представляет собой отдельную сложность для ЛУРов. Поскольку в русском языке падежное согласование проявляется на элементах всего номинативного комплекса, включая прилагательные, числительные и притяжательные местоимения, мы можем прогнозировать систематические отклонения и в этой области; как мы отмечали ранее, проблемы с согласованием существуют у ЛУРов и в других грамматических системах. Фразы в следующих примерах иллюстрируют неполное согласование по падежу: только один из элементов фразы имеет необходимую морфологическую форму, в то время как остальные элементы остаются в немаркированной форме номинатива. В примере (19) только ядро синтаксической группы *первая половину* употребляется в аккумулятиве при немаркированном числительном. Противоположная тенденция проявляется в примере (20), где только прилагательное получает ожидаемую падежную форму при немаркированном ядре. В сочинительной конструкции в примере (21) только одно существительное используется в нужной падежной форме, а второе вновь немаркировано по падежу.

(19) Прошел **первая** половину первого класса.

(20) Дедушка делал огромную **ошибка** когда он стирал свои рубашки.

(21) Сколько у тебя был **братья** и сестер?

По всей вероятности, трудности с согласованием по падежу не являются идиосинкратическими отклонениями от нормы, а напротив, указывают на более общую тенденцию морфосинтаксического развития в направлении потери согласования, характеризующую многие языки в контексте неполного сохранения в эмиграции (Polinsky, 1995, 1997; Seliger & Vago, 1991). Примеры, рассматриваемые в следующем разделе, указывают именно на эту тенденцию.

Согласование по числу

Еще одной особенностью языка ЛУРов является новая модель согласования сказуемого с составным подлежащим, отраженная в примерах (22)–(24). В русском языке метрополии такие подлежащие, состоящие из двух (или более) лексем, соединенных союзом, подразумевают собой использование предиката в форме множественного числа (напр.: *Петя и Вася гуляют*/*гуляет); однако ЛУРЫ употребляют подобные сочиненные подлежащие и с глаголами в единственном числе. Заметим, что согласование здесь идет, как правило, по первому члену сочинительной конструкции в составе подлежащего. Нижеприведенные примеры иллюстрируют такое частичное согласование подлежащего и сказуемого:

(22) Вчера я и мой муж пошли в кино и **кушала** попкорн.

(23) Мой младший брат и его друзья **любит** петь песни на ихнее свободное время.

(24) Вчера кинотеатр я и мама **кушала** попкорн.

Глагол *кушала* в примере (22) использован в форме женского рода и единственного числа, несмотря на присутствие составного подлежащего *я и мой муж*. Таким образом, только первый конъюнкт в составе подлежащего вступает в синтаксическую связь со сказуемым. Заметим, однако, что и предикат здесь состоит из двух частей, и первый глагол *пошли* употреблен в правильной форме, что указывает на то, что система согласования не разрушена полностью, а только демонстрирует некоторые изменения. Пример (23) также иллюстрирует частичное согласование по первому конъюнкту: здесь глагол в форме единственного числа *любит* вступает в согласовательную связь с конъюнктом *мой младший брат*. Второй конъюнкт *его друзья* не участвует в согласовании. Наконец, сказуемое в примере (24) использовано одной из участниц эксперимента в форме единственного числа, несмотря на сочинительную конструкцию в составе подлежащего.

С точки зрения сравнительной лингвистики частичное согласование сказуемого с подлежащим не является уникальным феноменом: факультативное согласование по первому конъюнкту встречается во многих языках, включая арабский, чешский, хинди, финский, испанский, а также в некоторых конструкциях в английском языке (напр.: *There is a bed and a sofa in the room*). Однако в этих языках такой способ согласования встречается лишь с порядком слов типа VS (глагол–подлежащее); таким образом, глагол в единственном числе синтаксически предшествует составному под-

лежащему, а не следует за ним. Частичное согласование по первому конъюнкту при порядке слов типа SV, где предикат вступает в отношения согласования с конъюнктом, дальше всего от него расположенным, встречается крайне редко (см.: Lorimor, 2007).

Кроме сочинительной координации, рассмотренной выше, в русском языке существует особый тип координации, известной как комитативная, выражающейся с помощью комитативного маркера *с*, соединяющего два семантически одушевленных существительных. Такие конструкции, как правило, имеют значение совместного действия. В отличие от сочинительной координации, где оба конъюнкта используются в форме номинатива, в комитативных конструкциях только первый конъюнкт имеет форму номинатива, в то время как второй конъюнкт получает от комитативного маркера форму творительного падежа. В обоих случаях глагол выступает в форме множественного числа. Предложения в (25) иллюстрируют оба типа координации: сочинительную в (25 а) и комитативную в примере (25 б):

(25) а. Маша и Наташа пошли гулять.

б. Маша с Наташей пошли гулять.

Помимо комитативной координации, проиллюстрированной в (25 б), комитативный маркер *с* также может использоваться в адьюнктивных конструкциях, как показано в (26). Комитативные адьюнкты отличаются от комитативных конъюнктов по ряду синтаксических и семантических признаков (см.: Feldman, 2002). Одним из главных отличий является принцип согласования с предикатом: комитативные конъюнкты требуют согласования с глаголом во множественном числе, а адьюнкты – в единственном:

(26) Маша с подругой пошла к врачу.

Форма единственного числа глагола *пошла* в примере (26) обусловлена тем, что глагол находится в синтаксической связи согласования только с существительным *Маша*, а фраза *с подругой* выступает в роли комитативного адьюнкта. Сравним конструкции в примерах (27 а) и (27 б):

(27) а. Мама с папой приехали.

б. Мама с папой приехала.

Предложение в примере (27 а) представляет участников события как единое целое (т.е. *родители*). Здесь мы имеем дело с сочинительной комитативной координацией. В примере (27 б), напротив, речь идет главным образом о приезде мамы, а тот факт, что она приехала с папой, представляется как дополнительная ин-

формация. Фраза *с папой* здесь выступает адьюнктом, а не элементом сочинительной конструкции.

Вернемся теперь к нашим примерам неполного согласования в УР, представленным в (22)–(24). Можно предположить, что благодаря постепенному ослаблению морфосинтаксического согласования различия между разными типами сочинительных и комитативных конструкций стираются, что приводит к смешению разного типа конструкций. Теоретически такая ситуация могла бы возникнуть в результате выравнивания по аналогии: поскольку адьюнктивные комитативные конструкции употребляются с предикатом в единственном числе, и поскольку формально такие конструкции напоминают сочинительную координацию, то ЛУРы могут значительно «упростить» систему, сделав заключение о факультативном характере полного согласования для составных существительных в целом, тем самым анализируя конъюнкты как адьюнкты.

Еще одна комитативная конструкция, широко распространенная в славянских языках, включает в себя местоимение во множественном числе, как показано в примере (28 а). В английском языке подобная конструкция отсутствует, а значение передается сочинительной конструкцией с местоимением в единственном числе (28 б):

(28) а. Мы с мужем любим путешествовать.

б. My husband and I love travelling.

Интересно отметить, что конструкции типа (28 а) не встречаются в нашем корпусе речи ЛУРов, а вместо них появляются конструкции, похожие формально на (28 б), как видно из вышеприведенных примеров (22)–(24). Ближайший эквивалент комитативной конструкции, встречающийся в нашем корпусе, представлен в примере (29): здесь используется комитативная фраза *с друзьями*, но при этом местоимение употреблено в форме единственного числа, т.е. по «английской» модели.

(29) Я с друзьями занимался покупкой и перепродажей машин.

В следующих разделах мы неоднократно вернемся к вопросу о роли языковой интерференции как одного из факторов в процессе языкового сдвига в контексте неполного сохранения языка в условиях эмиграции. Однако следует подчеркнуть, что отнюдь не все изменения в УР можно объяснить влиянием английского языка на русский. Существует целый ряд исследований, в которых детально обсуждается целый спектр причин, ведущих к грамматиче-

ским сдвигам в унаследованных языках, не связанных напрямую с языковой интерференцией (Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2010; Laleko, 2010; Rothman, Pires, 2009).

К вопросу об употреблении предлогов

В данном разделе обсуждаются отличительные особенности употребления предлогов ЛУРами. Сначала мы рассмотрим случаи опущения предлогов, указывающие на возможное влияние английского, где некоторые предлоги могут опускаться в разговорной речи. Затем мы проанализируем контексты неправильного с точки зрения русского языка в метрополии использования предлогов и рассмотрим причины таких употреблений.

Приведенные ниже примеры иллюстрируют опущение предлогов под вероятным влиянием так называемой негативной языковой интерференции. При таком сценарии языкового взаимодействия отсутствие какого-то элемента в одном языке может привести к опущению этого элемента в другом, т.е. происходит заимствование некоторых правил употребления языкового материала. Так, в разговорных регистрах американского английского допускается опущение предлогов, обозначающих темпоральную локализацию события (напр.: *I'll see you (on) Saturday*). В русском языке такой факультативности нет, однако примеры (30)–(31) указывают на возможность опущения некоторых предлогов в УР:

(30) Субботу я папа помогаю покрасить дом.

(31) Мне надо прочитать много книг в школе этот месяц.

Дополнительные примеры межъязыковой интерференции представлены в примере (32)–(35). Предлоги, выделенные жирным шрифтом, представляют собой буквальный перевод предложных форм, которые использовались бы в данных контекстах в американском английском (эти формы указаны в скобках).

(32) ...первый **через** двенадцатый класс... (*through*)

(33) Я сделала ошибки **на** моей домашней работе и получила тройку (*on*).

(34) На экзамене мы сделали ошибки и **для** этого получили плохую отметку. (*for*)

(35) Она постучала **на** дверь но никто не ответил. (*on*)

Однако не все ошибочные с точки зрения прескриптивной нормы примеры употребления предлогов ЛУРами можно отнести к влиянию английского языка. Пример (36) в этом смысле особенно интересен, так как выбранная ЛУРом форма не отличается от

той, которую употребил бы здесь носитель русского языка (*в*), и от той, которая была бы здесь нужна в английском языке (*in*); оба языка требуют здесь по сути один и тот же предлог. Следующие примеры показывают, что *в* и *на* представляют собой особую сложность для ЛУРов, которые нередко путают именно эти предлоги (см. также: Laleko, 2007):

(36) ...**на** пятом классе...

(37) Я запоминал книги слово **на** слово.

(38) Мой младший брат и его друзья любит петь песни **на** ихнее свободное время.

(39) На работе **в** обеде я кушала бутерброд.

(40) **В** эту неделю мне нужно покрасить дом.

Земская (2001: 94) описывает похожую тенденцию в русском языке эмигрантов первого поколения, где семантически сходные предлоги иногда становятся взаимозаменяемыми. Предлоги *в* и *на* характеризуются рядом семантических сходств: они имеют как локальное, так и темпоральное значение, и в определенных контекстах даже в литературном языке возможна некоторая вариативность в их употреблении (например, в отношении географических мест), а в разговорном русском наблюдается еще более выраженная взаимозаменяемость этих предлогов. Это соответствует более общему наблюдению о том, что правила употребления предлогов зачастую регулируются в большей степени исторической традицией, а не логикой (Земская, 2001), поэтому диалекты, наименее подверженные влиянию прескриптивной традиции, могут характеризоваться высокой степенью вариативности в употреблении некоторых предлогов.

Нижеприведенные предложения также указывают на то, что ошибочный выбор предлога не всегда является следствием прямого влияния английского языка, а может быть обусловлен, например, чрезмерным обобщением (напр., *по-русски, по-английски* > **по языкам*) или недостаточным знанием семантики предлогов в контексте неполного владения языком.

(41) Мне нравится говорить фразы по другим языкам.

(42) Французы часто пьют бокалы вина при обеде.

В целом анализ отклонений от принятых в русском языке правил употребления предлогов позволяет нам сделать предположение о том, что языковая система ЛУРов складывается под влиянием разнообразных языковых процессов, включающих в себя как внешние факторы (межъязыковая интерференция), так и незави-

симые, внутренние процессы реорганизации языковой системы, не связанные напрямую со структурой доминирующего языка.

Выражение нулевых и факультативных элементов

Грамматические преобразования в языке эмигрантов второго поколения очевиднее всего проявляются в упрощении языковой системы и утере определенных грамматических категорий. Однако необходимо помнить, что изменения, происходящие в процессе утраты языка, могут проявляться также и в появлении новых элементов, которые могут заполнять собой ниши, образующиеся благодаря реструктуризации языковой системы. В следующих разделах статьи мы рассмотрим два инновационных процесса, свидетельствующих о таких изменениях в УР: развитие артиклей и так называемых резюмтивных (resumptive) местоимений.

В безартиклевых языках значение отдельно стоящих существительных, как правило, определяется контекстом: например, существительное в предложении *Собаки едят мясо* может быть интерпретировано как относящееся к конкретной группе собак (скажем, Тузику и Шарик), так и к собакам вообще. В английском языке, напротив, такие понятия, как обобщенность / необобщенность или определенность / неопределенность выражаются с помощью артиклей и других детерминантов, а не контекстом, поэтому в отсутствие этих категорий отдельно стоящее существительное множественного числа может иметь только обобщенное значение. В следующих примерах мы видим, что ЛУРы предпочитают использовать притяжательные и указательные местоимения там, где их присутствие было бы совсем не обязательным в языке метрополии. С точки зрения прагматики эти предложения звучали бы вполне корректно и без выделенных элементов:

(43) Я начала рисовать кружочки на **моей** домашней работе.

(44) Я пела песню для **моих** друзей.

(45) Мне надо прочитать *Война и Мир* для **маяво** англискава класа.

(46) **Мой** дедушка любит писать книжки на его свободное время.

(47) **Моя** бабушка спекла торт.

(48) Я съем **мой** бутерброд в обеденное время.

(49) Я попросила моего брата спеть одну песню.

Как следует из примеров (43)–(49), местоимение *мой* становится в каком-то смысле маркером конкретизации значения суще-

ствительного. В следующих примерах показаны другие притяжательные местоимения, которые также используются там, где они необязательны:

(50) **Мой** отец покрасил **наш** дом на прошлой неделе.

(51) Где вы купили **вашу** машину?

Ту же роль играют и указательные местоимения (заметим, что существительные в следующих примерах не подразумевают контрастную интерпретацию):

(52) Я нарисовала кружок на **этом** листе бумаги.

(53) Нарисуй большой круг на **этой** бумаге.

Использование детерминантов, напоминающих артикли, может быть следствием влияния английского языка, где позиция перед существительным в единственном числе, как правило, оказывается заполненной артиклем или другим детерминатором (**I see car / I see a/the/our car*), а отсутствие такового воспринимается как выражение неопределенности или обобщенности (*Cars are expensive*). Стремление избежать отдельно стоящих существительных в русском языке вследствие применения правил использования артиклей в английском языке может объяснить чрезмерное употребление детерминантов в языке ЛУРов, тем самым подтверждая гипотезу о том, что утрата языковых знаний не всегда синонимична утере языковых элементов, а может проявляться также и в новообразованиях, кажущихся лишними с точки зрения языка метрополии.

Тенденция к «выражению невыражаемого» проявляется в языке ЛУРов также и в употреблении так называемых резюмтивных местоимений, анализируемых подробно в работах М.С. Полинской на материалах шести генетически неродственных языков, подверженных изменениям в контексте эмиграции (Polinsky, 1995). Во всех языках прослеживается чрезмерное с точки зрения языковой нормы метрополии употребление местоимений, грамматически относящихся к подлежащему (напр.: *Мальчик он пришел*), возможно как компенсационный механизм в контексте утери согласования (Polinsky, 1995).

В следующем примере показано использование резюмтивного местоимения *его*, соотносящегося с существительным *мяч*. С точки зрения прескриптивной нормы это местоимение здесь лишнее. Однако мы можем предположить, что оно выполняет вспомогательную функцию: поскольку форма существительного *мяч* падежно неоднозначна (она может выражать как именительный, так и винительный падеж), местоимение, имеющее различ-

ные формы именительного и винительного падежей, может служить дополнительным маркером функции существительного как прямого дополнения в предложении.

(54) **Мяч** ты должен его бросать, передавать.

Использование кореферентного местоимения в сложноподчиненных предложениях является еще одной отличительной чертой УР: несмотря на то, что в русском языке подлежащее в таких конструкциях выражается, как правило, нулевой формой, ЛУРЫ предпочитают выраженное местоимение (Polinsky, 1995, 1997; Полинская, в печати). В нашем корпусе неоднократно встречаются примеры этой тенденции:

(55) Он совершил большую ошибку, когда **он** оставил его вчера.

(56) Я сделала большую ошибку когда **я** купила мою первую машину.

(57) После спорт клуба я была голодная, поэтому **я** купила сэндвич.

Резумптивные местоимения, рассмотренные выше, отражают важную особенность УР: являясь «лишними» элементами с точки зрения языка метрополии, они служат дополнительными смысловоразличительными маркерами, которые приходят на выручку, когда общая система дает сбой и становится, с точки зрения неполного носителя языка, ненадежна. Психолингвистические исследования в области овладения языком описывают похожие компенсаторные стратегии у людей, которые не до конца уверены в своем знании языка либо считают его недостаточным (Turian, Altenberg, 1991).

Сослагательное наклонение

Постепенная утрата грамматических различий в области выражения наклонения и, в частности, исчезновение сослагательного наклонения в речи эмигрантов из Мексики была подробно описана в исследованиях Сильвы-Корвалан на материале испанского языка в США (Silva-Corvalan, 1995). Недавние работы С. Монтрул содержат дополнительные экспериментальные данные, указывающие на то, что люди с унаследованным испанским не различают формы изъявительного и сослагательного наклонений (Montrul, 2009). Существующие данные по американскому русскому также указывают на утрату этих различий (Polinsky, 1996).

Пример из работы М.С. Полинской (Polinsky, 1996, p. 49):

(58) Я хочу што ты встретишь мой бойфренд.

В данном примере мы видим сразу два отклонения от нормы выражения сослагательного наклонения: во-первых, подчинительный союз *чтобы* переосмысливается и упрощается в форму *что* (в написании такая форма часто оформляется ЛУРами как *што*, т.е. по фонетическому принципу); во-вторых, глагол используется в форме настоящего времени. В нашем корпусе зарегистрированы многочисленные примеры упрощения в выражении сослагательного наклонения, однако глагол сохраняется в прошедшем времени.

(59) Учительница хотела што детки рисовали круги.

(60) Ребенок хотел што мама пела один песню.

Частица *бы*, выражающая сослагательное наклонение в отсутствие союза *чтобы*, также исчезает из речи ЛУРов, как показано в следующем примере. Заметим, однако, что все глаголы употреблены в прошедшем времени, которое, вероятно, берет на себя функцию сослагательного наклонения в УР.

(61) Я думаю што если я там **вернулся** в Россию и **жил** там несколько лет тогда я сразу **выучил** все што уже не знал.

Словарный запас

Лексические изменения в языке эмигрантов являются, пожалуй, одним из наиболее изученных следствий языкового контакта (Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты, 2001; Benson, 1960; Polinsky, 1995, 2000; Sands, Miller, Brugman, 2007) и служат яркой отличительной чертой русского языка в эмиграции. В данном разделе мы ограничимся лишь несколькими общими комментариями по этому вопросу и остановимся на двух лексических особенностях УР: частое использование элементов детского лексикона, а также большое количество заимствований из английского языка, включая лексические и синтаксические кальки. Преобладание форм разговорного стиля, а также обилие уменьшительных и сокращенных форм, свойственных в большей степени детской речи (а также речи, адресованной ребенку), служит отличительной чертой речи эмигрантов второго поколения (Polinsky, 1996, 2000; Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты, 2001). В отличие от своих родителей, выросших и сформировавшихся в среде родного языка, ЛУРЫ, как правило, владеют лишь «домашними» регистрами русского языка и сохраняют лучше всего именно те формы, с которыми они сталки-

вались в детстве, в период наиболее тесного контакта с родным языком. Примеры (62)–(69) из нашего корпуса иллюстрируют использование ЛУРами таких уменьшительных форм, лишенных, по всей вероятности, ласкательно-уменьшительной семантики:

- (62) Когда мне скучно я рисую **кружляшки**.
(63) Я начала рисовать **кружочки** на моей домашней работе.
(64) Они рисуют **кружки**.
(65) Я не люблю читать **книжки**.
(66) Моя бабушка очень любит печь **тортики**.
(67) Учительница хотела што **детки** рисовали круги.

Ощущение некоторой «детскости» речи ЛУРов подкрепляется, помимо диминутивов, использованием просторечий и выражений, свойственных разговорной речи (*ихний* в примере (23), а также *покушать* и *скушать* в следующих примерах).

- (68) Я хочу **покушать** бутерброд.
(69) Моя бабушка хочет **скушать** сэндвич.

Использование английского слова *сэндвич* (sandwich) в последнем примере иллюстрирует еще одну тенденцию в речи ЛУРов: частое использование заимствованных элементов из английского языка, которые могут вставляться напрямую, сохраняя произношение английского языка, как показано в примерах (70)–(72), или как переведенные на русский язык кальки, как мы видим далее в (73)–(78).

- (70) Мы получили **discount** потому што покупали много машин сразу.

- (71) Этот **dealership** покупает много машин.

- (72) Я его попросила спечь торт на **party**.

- (73) Для геометрии надо **знать как** рисовать круги (англ. *know how*).

- (74) Я первый раз **старался** прочитать эту книгу три года назад (англ. *tried*).

- (75) На моем **классе** рисования... (англ. *class*).

- (76) Папа **занял** очень **долго** штобы покрасить дом (англ. *took a long time*).

- (77) Ребенок пел одну песню **опять и опять** (англ. *again and again*).

- (78) Ты такой **тонкий** скушай бугерброд (англ. *thin*).

Как следует из комментария, приведенного ниже, ЛУРЫ и сами замечают, что их речь содержит большое количество англоязычных вкраплений. Пример в (79) особенно интересен тем, что иллюстрирует собой феномен переключения кодов (отметим, что

кодвое переключение, как правило, является признаком сбалансированного билингвизма, поэтому в речи ЛУРов встречается относительно редко).

- (79) Я знаю што я *do that thing that apparently a lot of people do* где я говорю английскую фразу с русскими словами... где я беру *like idioms... English idioms and say them in Russian*.

(«Я знаю, что я *делаю то, что, видимо, делают многие*, где я говорю английскую фразу с русскими словами... где я беру, ну, *идиомы, английские идиоматические выражения и говорю их по-русски*».)

Без всякого сомнения, влияние английского языка в области лексикона ЛУРов очевидно. Однако было бы неверно заключить, что все лексические особенности речи ЛУРов можно напрямую объяснить лексико-семантической интерференцией. В некоторых случаях неправильное словоупотребление может быть мотивировано семантическими сдвигами, обусловленными нарушением семантических связей и правил сочетаемости лексических единиц в контексте неполного владения языком:

- (80) ...хотел рассказать еще одну **сказку**... (81) На моем экзамене я **ошибалась** на многие ответы.

Заключение

В статье был представлен обзор лексико-грамматических изменений в речи русских эмигрантов в США второго поколения, так называемых ЛУРов (людей с унаследованным русским), чья языковая система характеризуется систематическими структурными сдвигами и упрощением в выражении грамматического рода, конвергенцией падежной системы, ослаблением синтаксических связей, а также значительным сужением лексикона. Все эти изменения изначально указывают на редукцию унаследованной языковой системы как на основное направление языковых сдвигов в контексте отсутствия тесного контакта с языковой средой. В то же время необходимо отметить, что систематическая реструктуризация языка приводит также и к развитию добавочных категорий и стратегий, а именно к расширению функций дегерминативов и развитию рудиментарной артиклевой системы и появлению резумптивных местоимений. Традиционно утрату языка принято рассматривать как процесс упрощения некоторых языковых подсистем и устранения избыточности, однако, как видно из материалов этой статьи, унаследованные языковые системы могут приоб-

ретать новые элементы, избыточные с точки зрения морфологии, синтаксиса или прагматики базового языка. Эти добавочные элементы можно рассматривать как следствие перераспределения и перегруппировки компонентов языковой системы в контексте упрощения этой системы в целом.

Список литературы

- Полинская М.С. Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США // Русский язык за рубежом / Ред.: Мустайоки А., Протасова Е., Вахтин Н.Б. — Хельсинки. — С. 336–352. — В печати.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. — Вена, 2001. — 493 с.
- Benmamoun A., Montrul S., Polinsky M. Prolegomena to heritage linguistics: White paper // MARIA POLINSKY, professor of linguistics [Site].— Mode of access: http://scholar.harvard.edu/mpolinsky/files/hl_white_paper_june_12.pdf
- Benson M. American-Russian speech // Amer. speech. — Durham, 1960. — Vol. 35, N 3. — P. 163–174.
- Feldman A. On NP-coordination // The Uil OTS yearbook: 2002. — Utrecht, 2002. — P. 39–66.
- Isurin L., Ivanova-Sullivan T. Lost in between: The case of Russian Heritage speakers // Heritage language j. — Los Angeles, 2008. — Vol. 6, N 1. — P. 72–104.
- Laleko O. A study of language attrition: American Russian in Minnesota // Symposium about language and society, Austin, 12–15. Apr. / Ed. by Shaw K. et al. — Austin, 2007. — P. 103–112.
- Laleko O. Compositional telicity and Heritage Russian aspect // Proceedings of the 38th Western conference on linguistics (WECOL) / Ed. by Grosvald M., Soares D. — Davis (Cal.), 2008. — Vol. 19. — P. 150–160.
- Laleko O. The syntax-pragmatics interface in language loss: Covert restructuring of aspect in Heritage Russian: Doctorate dissertation. — Minneapolis, 2010. — 268 p.
- Laleko O. Restructuring of verbal aspect in Heritage Russian: Beyond lexicalization // Intern. j of language studies. — Ipswich (Mass.), 2011. — Vol. 5, N 3. — P. 13–26.
- Lorimor H. Conjunctions and grammatical agreement: Doctoral dissertation. — Urbana Champaign, 2007. — 236 p.
- Montrul S. Knowledge of tense-aspect and mood in Spanish Heritage Speakers // Intern. j. of bilingualism. — L., 2009. — Vol. 13, N 2. — P. 239–269.
- Polinsky M. American Russian: An endangered language? (Manuscript). — San Diego, 1996. — 105 p.
- Polinsky M. American Russian: Language loss meets language acquisition. // Formal approaches to Slavic linguistics. — Ann Arbor, 1997. — Vol. 4. — P. 370–406.

- Polinsky M. Cross-linguistic parallels in language loss // Southwest j. of linguistics. — Edinburgh (Tex.), 1995. — Vol. 14, N 1 / 2. — P. 87–123.
- Polinsky M. The composite linguistic profile of speakers of Russian in the US // The learning and teaching of Slavic languages and cultures / Ed. by Kagan O. et Rifkin B. — Bloomington, 2000. — P. 437–465.
- Polinsky M. Gender under incomplete acquisition: Heritage Speakers' knowledge of noun categorization // Heritage language j. — Los Angeles, 2008. — Vol. 6, N 1. — P. 40–71.
- Rothman J., Pires A. Disentangling sources of incomplete acquisition: An explanation for competence divergence across Heritage grammars // Intern. j. of bilingualism. — L., 2009. — Vol. 13, N 2. — P. 211–238.
- Sands B., Miller A., Brugman J. The lexicon in language attrition: The Case of N | uu // Selected proceedings of the 37-th Annual conference on African linguistics / Ed. by Payne D.L., Peca J. — Somerville, 2007. — P. 55–65.
- First language attrition / Ed. by Seliger H., Vago R. — Cambridge, 1991. — 259 p.
- Silva-Corvalan C. The gradual loss of mood distinctions in Los Angeles Spanish // Language variation a. change. — University Park, 1995. — N 6. — P. 255–272.
- Turian D., Altenberg E. Compensatory strategies of child first language attrition // First language attrition. — Cambridge, 1991. — P. 207–226.